

* * *

Гомер все на свете легенды знал,
И все подходящее из старья
Он, не церемонясь, перенимал,
Но с блеском, — и так же делаю я.

А девки с базара да люд простой
И все знатоки из морской братвы
Смекали: новинки-то с бородой, —
Но слушали тихо — так же, как вы.

Гомер был уверен: не попрекнут
За это при встрече возле корчмы,
А разве что дружески подмигнут,
И он подмигнет — ну так же, как мы.

Перевод А. Щербакова

ВСТУПЛЕНИЕ
К «ПЕСЕНКАМ О СЛУЖБЕ»

Я ел ваши хлеб и соль.
Воду вашу и водку пил.
Ваша гибель была моя боль.
Вашей жизнью — мою купил.

Я делил с вами все подряд —
Ваши бури, борьбу, пиры.
Там, где рай и ад, я вам был как брат —
За морями сии миры.

Я писал сказку ваших дней,
Горечь правды вкусив сперва.
Я писал о ней — но она страшней
И важней, чем мои слова.

Перевод В. Топорова

ОБЩИЙ ИТОГ

Далеко ушли едва ли
Мы от тех, что попирали
    Пяткой ледниковые холмы.
Тот, кто лучший лук носил, —
Всех других поработил,
    Точно так же, как сегодня мы.
Тот, кто первый в их роду
Мамонта убил на льду,
    Стал хозяином звериных троп.
Он украл чужой челнок,
Он сожрал чужой чеснок,
    Умер — и зацапал лучший гроб.
А когда какой-то гость
Изукрасил резьбой кость —
    Эту кость у гостя выкрал он,
Отдал вице-королю,
И король сказал: «Хвалю!»
    Был уже тогда такой закон.
Как у нас — все шито-крыто,
Жулики и фавориты
Ели из казенного корыта.
    И секрет, что был зарыт
    У подножья пирамид,
    Только в том и состоит,

Что подрядчик, хотя он
Уважал весьма закон,
    Облегчил Хеопса на мильон.
А Иосиф тоже был
Жуликом по мере сил.
    Зря, что ль, провиантом ведал он?
Так что все, что я спою
Вам про Индию мою,
    Тыщу лет не удивляет никого, —
Так уж сделан человек.
Ныне, присно и вовек
    Царствует над миром воровство.

Перевод К. Симонова

ШТАБНАЯ ИСТОРИЯ

Эта песня стара, как холмы и ручьи,
Как свет и как темнота,
И еще эта песня стара, как мои
Неоплаченные счета.

Субъект по фамилии Дженкинз,
по имени Артаксеркс
Был в армейской конторе,
так сказать, мелкий клерк-с.
Но субъект по фамилии Дженкинз,
сия канцелярская тля,
Был замечательный тенор
и брал даже верхнее «ля».

В пивную сбегал со службы
(благо — недалеко).
На стрельбах во время учений
пули слал «в молоко».
Честь отдавал — умора,
прямо — цирк шапито.
И все-таки этот Дженкинз
мозгой шевелил, как никто.

Два месяца был он в Симле.
(Дело было весной.)

Под гималайским кедром
он спелся с дамой одной.
Корнелией Агриппиной
звали ее. Она
Тонкой слыла музыкантшей.
(Талия — как у слона!)

Она управляла мужем,
а тот управлял Депар-
таментом, где Корнелии
Дженкинз явил свой дар.
Длились до самой осени
эти спевки с весны.
Оплачивались концерты
за счет индийской Казны.

Корнелия пела, а Дженкинз
хвалил ее: «О-ла-ла!»
Был Дженкинз фальшив, как ноты,
те, что она брала.
Апрель пролетел, и дама
сказала мужу: «Хочу,
Чтоб Дженкинз остался в Симле.
Ты слышишь? Я не шучу!»

И Дженкинз прежней службе
послал прощальный привет.
В Симле ему доверили
ответственный табурет.
Дали читать каталоги
и, чтобы не заскучал,
Ему оклад положили
вдвое больше, чем он получал.

ИСТОРИЯ УРИИ

В одном городе были два человека:
один богатый, а другой бедный¹.

Джек Барретт уехал в Кветту.
Ему приказали: «Надо!»
Жене он оставил в Симле
Большую часть оклада.
Джек Барретт скончался в Кветте
Через месяц, не выдержав ада.

Джек Барретт ехал в Кветту,
И ему непонятно было,
Зачем из горных здоровых мест
Отправляться туда, где гнило?
А между тем наступил сентябрь,
И это его убило.

Джек Барретт приехал в Кветту.
Дел там было немало.
Джек Барретт работу тянул за двоих,
И сердце ему отказало.
Пять месяцев миссис Барретт
Слезы о нем проливала.

---

¹ 2 Цар. 12: 1. — Здесь и далее примеч. переводчика, кроме особо оговоренных случаев.

Джек похоронен в Кветте.
Я удивлюсь едва ли,
Если дух его ныне
Поймет, почему послали
Джека в гиблую Кветту,
От Гималаев подале.

С последней шуткой, что впишут
В черную Книгу Деяний,
С последним Трубным призывом
В День Гнева и Покаяний,
Когда извергнет могила
На свет своего постояльца,
Не хотел бы я быть на месте того,
Кто в Кветту послал страдальца!¹

Перевод Е. Фельдмана

---

¹ Р. Киплинг сравнивает Джека Барретта с Урией Хеттеянином, военачальником, супругом Вирсавии. Восхищенный ее красотой, царь Давид послал Урию на самый опасный участок фронта, где тот неминуемо должен был погибнуть. Подробнее см.: 2 Цар. 11: 2–27.

L'ENVOI¹

Сгинул дым над алтарями
Нашим чаяньям вослед,
А Богини — нет во храме;
Нет ее, простыл и след.

Нет — и, значит, проку нет
В тяжких жертвах дни за днями.

«Пуст ковчег, — идет слушок,
Непристойный и преступный,
Как злокозненный смешок, —
Пуст; Богиня неприступна;
И в закланьях — запах трупный,
Отвратительный душок!»

«Но как знать, — скажу вам, други,
В безнадежной тишине, —
Мало ль демонов в округе,
Мало ль бесов на войне,
Выручающих вполне
Там, где чтим Ее заслуги!»

Перевод В. Топорова

ПРАВСТВЕННЫЙ КОДЕКС

Чтоб вы правдивой не сочли
Историю мою,
Скажу вам честно: это все —
Заведомая ложь.

Жену оставил юный Джонс,
едва успев жениться.
Хуррумский край позвал его,
афганская граница.
Джонс гелиографистом был¹.
Супругу до разлуки
Он связи выучил, начав
с азов своей науки.

И ум его к ее красе
летел не наудачу:
Сам Аполлон курировал
прием и передачу.
С утра до вечера с горы
сигналил Джонс приветы,
К которым присовокуплял
разумные советы.

---

¹ *Гелиографист* — связист, работающий на гелиографе — солнечном телеграфе, передающем сигналы посредством зеркал.

Сигналил он: опасна лесть
армейской молодежи
И генералов, что, увы,
сластолюбивы тоже,
Из коих слаще всех поет
коварные рулады
Проклятый Бэнгз (сей генерал —
герой моей баллады).

Скакал со штабом Бэнгз. Глядит,
с горы как сумасшедший
В долину гелиограф шлет
депешу за депешей.
Да что там, господи, стряслось? —
Чума? Пожар? Восстанье?
И Бэнгз со штабом стал читать
воздушные посланья.

«Ко-те-нок мой род-ной...» Ого!
Да что он, «под парами»?
Какой «котенок» может быть
в служебной телеграмме?
Тире — две точки — вновь тире...
«Лю-бовь мо-я...» «Проклятье!
И кто с горы всю эту чушь
несет, хотел бы знать я!»

Дубина-адъютант молчит,
а штаб глядит с ухмылкой,
Внося в блокноты все, что Джонс
с горы сигналил пылко:

* * *

Серые глаза — рассвет,
Пароходная сирена,
Дождь, разлука, серый след
За винтом бегущей пены.

Черные глаза — жара,
В море сонных звезд скольженье
И у борта до утра
Поцелуев отраженье.

Синие глаза — луна,
Вальса белое молчанье,
Ежедневная стена
Неизбежного прощанья.

Карие глаза — песок,
Осень, волчья степь, охота,
Скачка, вся на волосок
От паденья и полета.

Нет, я не судья для них,
Просто без суждений вздорных
Я четырежды должник
Синих, серых, карих, черных.

Как четыре стороны
Одного того же света,
Я люблю — в том нет вины —
Все четыре этих цвета.

Перевод К. Симонова

ЛЕГЕНДА О МИНИСТЕРСТВЕ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Я расскажу вам, почему Раджа
Налег на «симпки»¹ глупо и нелепо,
Ничем былым уже не дорожа.
Правительство, что действовало слепо,
Конечно же, прекрасно. Слепота —
Его второстепенная черта!

Князь-владыка Колазая
Орден захотел в петлицу.
Он тюрьму возвел для края
И прекрасную больницу.
А потом для влаги свежей
Он построил водостоки.
И решил народ-невежа,
Что рехнулся он жестоко.

Только клерки-англичане
Оценили измененья,
Предложив радже — старанье,
Эрудицию, уменье.
Толковали пылко, много
О прекрасных перспективах,